

УДК 269

DOI: 10.24412/2224-5391-2022-38-142-159

А. Н. Степанов

МИССИОНЕРСКИЕ ЗАДАЧИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ Е. В. ПУТЯТИНА В ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ (1852–1858)

Аннотация. В статье рассматриваются дипломатические экспедиции в Восточную Азию (1852–1858) в контексте внешней политики России. Ставится вопрос о наличии миссионерских задач у руководителя экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина. Выявлена проблема отсутствия комплексной оценки его деятельности как дипломата и миссионера. При написании статьи использовался анализ делопроизводственной и исследовательской литературы по проблеме, анализировались письма и докладные записки Е. В. Путятина, дневники равноапостольного Николая (Касаткина). Раскрыты взгляды дипломата на прозелитизм, миссионерское образование и свободу вероисповедания. В статье приводятся докладная «записка о действиях генерал-адъютанта графа Путятина в Японии» от 19 марта 1856 г., его письмо к обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому 1869 г. и другие документы, раскрывающие религиозную сторону дипломатических переговоров. Использование методов анализа и синтеза позволило автору выявить в дипломатических экспедициях 1852–1858 гг. миссионерскую составляющую, в том числе на примере исследования личного состава первой экспедиции Е. В. Путятина, его религиозного настроения во все время путешествия. Проанализированные статьи Симодского, Эдоского договоров с Японией, а также Тяньцзинского трактата с Китаем аналогично показали наличие миссионерских задач. Отмечена позиция японских властей, отказывавших в праве на свободное исполнение христианского богослужения иностранцами, и позиция Е. В. Путятина, который смог добиться открытия консульства и отстоять права на свободное перемещение по стране и на строительство церквей. Рассмотренные в статье факты и источники, проанализированная литература позволяют сделать выводы об исключительном вкладе вице-адмирала Е. В. Путятина в формирование почвы для будущей миссионерской деятельности Православной Церкви в Восточной Азии.

Ключевые слова: русско-японские отношения, внешняя политика России в Восточной Азии, миссионерство, церковно-государственные отношения, православие, Симодский договор, Эдоский трактат, Тяньцзинский договор.

Цитирование. Степанов А. Н. Миссионерские задачи дипломатических экспедиций Е. В. Путятина в Восточную Азию (1852–1858) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 142–159. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-38-142–159

Сведения об авторе. Степанов Андрей Николаевич — аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, преподаватель медицинского колледжа, ORCID: 0000-0003-2168-3501 (Россия, г. Москва).
E-mail: andamer@rambler.ru

Поступила в редакцию 25.01.2022

Принята к публикации 12.05.2022

Будущий адмирал генерал-адъютант, граф Евфимий Васильевич Путятин (1803–1883) «принадлежал к числу немногих моряков “лазаревской школы”, отличавшихся всегда знанием морского дела, решительностью в действиях и умением найтись в минуту опасности»¹. С 1826 по 1841 г. Е. В. Путятин участвовал в различных военно-морских экспедициях, был награжден орденами святого Владимира IV степени, святого Георгия IV степени, произведен в капитаны I ранга. С 1842 г. начинается его дипломатическая деятельность. Одним из первых дипломатических поручений стали переговоры с персидским шахом о русской торговле на Каспийском море и борьба с пиратами-туркменами. Обе задачи были успешно выполнены. В качестве дипломата он выполнял поручения Николая I в Англии, Нидерландах, Турции, Египте, Китае и Японии.

Сохранилось свидетельство современника, что в молодости во время болезни Е. В. Путятин дал обет принять монашество. Когда болезнь прошла, Е. В. Путятин не смог выполнить обет, но всю жизнь «старался в трудных условиях морской жизни по возможности строго блюсти устав и требования Церкви»². Есть сведения о роли вице-адмирала в устройении Палестинского общества³. Исследователи отмечают, что по своим взглядам он был близок к дворянам, которые «безбоязненно проповедовали Православие»⁴. Однако исследователи практически ничего не говорят о том, как именно Е. В. Путятин его проповедовал. В научной литературе его дипломатическая деятельность рассматривалась исключительно с точки зрения продвижения и защиты тор-

¹ Русский биографический словарь: в 25 т. / под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева. СПб., 1910. Т. 15: Притвиц — Рейс. С. 162.

² Адмирал Унковской. Рассказы о его жизни, записанные В. К. Истоминым // Русский архив. 1887. Вып. 5–8. С. 122.

³ Мельник В. И. Вера адмирала Путятина // Сайт «Православие.ру». URL: <https://pravoslavie.ru/28372.html> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Мельник В. И. Гончаров и православие. М., 2008. С. 71.

говых и пограничных интересов России (М. М. Плотникова, В. М. Латышев, Г. И. Дударец⁵). Ведется дискуссия о роли вице-адмирала в русско-японских отношениях, в частности в вопросе территориального разграничения острова Сахалин⁶. В литературе, посвященной истории русско-японских отношений, уделяется особое внимание дипломатической миссии Е. В. Путятин в Японию (Э. Я. Файнберг, С. Накамура, Н. Ф. Лещенко⁷). Т. М. Симбирцева рассматривает экспедицию Е. В. Путятин с точки зрения южнокорейской историографии и в контексте русско-корейских отношений⁸. Архимандрит Августин (Никитин) в статье, посвященной первому русскому консулу в Японии И. А. Гошкевичу, затрагивает тему православной миссии, но никак не связывает ее с деятельностью Е. В. Путятин, хотя последний был непосредственным руководителем И. А. Гошкевича⁹. Другие исследователи говорят о Е. В. Путятине как покровителе японской миссии, о чем свидетельствовал еще сам равноапостольный Николай: «...он беспрестанно с любовью заботится о ней и оказал ей бесчисленное множество благодеяний как своими собственными пожертвованиями, так и разрешением нужд ее и побуждением к жертвованию других»¹⁰.

Мы не оспариваем того факта, что дипломатические экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятин в Восточную Азию в 50-е гг. XIX в. были связаны с внешнеполитической деятельностью России¹¹. Активная политика Англии и США на Дальнем Востоке подталкивала Россию к более решительным шагам в сфере «дипломатических и торговых отношений» в этом регионе. Однако в

⁵ Плотникова М. М. Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке графа Е. В. Путятин в контексте русско-китайских отношений XVII — середины XIX вв.: дисс. ... к. и. н. Иркутск, 2006; Латышев В. М. После Симодского трактата (1855–1858) // Вестник Сахалинского музея. 2015. № 22. С. 137–148; Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск, 2015.

⁶ Плотникова М. М. Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке... С. 107–109.

⁷ Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858–1865 гг.) // Историко-филологические исследования: сб. ст. к семидесятилетию Н. И. Конрада. М., 1967. С. 505–509; Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов. М., 1983; Лещенко Н. Ф. Посольство Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятин (1852–1855) в Японию // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 34–45.

⁸ Симбирцева Т. М. Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.): дисс. ... к. и. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, 2002.

⁹ Августин (Никитин), архим. И. А. Гошкевич — миссионер, дипломат, востоковед: доклад на VIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтениях, 2002 г. // Сайт храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Минск. URL: http://sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁰ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. СПб., 2004. Т. 1. С. 15.

¹¹ Саблина Э. Б. 150 лет православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006. С. 35.

научных работах остается нераскрытой роль Е. В. Путятин как дипломата-миссионера, не дана комплексная оценка его деятельности в контексте церковно-государственных отношений. Неясны и слова святителя Николая Японского, сказанные о Е. В. Путятине, что он являлся для Японской духовной миссии «отцом родным»¹².

В статье «Япония с точки зрения христианской миссии», опубликованной в журнале «Русский вестник» в 1869 г., иеромонах Николай (Касаткин) писал: «...волею-неволею японцы должны были вступить в сношения с иностранцами. При заключении трактатов они покушались, по крайней мере, выговорить запрещение распространять в их стране христианскую веру; но им отвечали, как граф Муравьев-Амурский: “если я убежден в истинности моей веры, я не могу не говорить этого; от вас самих зависит слушать меня или не слушать”. И японцы принуждены были дать иностранцам полную свободу в постройке храмов и отправлении богослужения»¹³. Как мы покажем ниже, точно так же будет поступать в Китае и Японии Е. В. Путятин.

План организации экспедиции к восточным морским границам Китая и Японии Е. В. Путятин разработал еще в 1843 г.¹⁴ В 1851 г. он был произведен в чин вице-адмирала. В апреле 1852 г. создается «Особый комитет» для исследования «японского дела»¹⁵. После рассмотрения представленной МИДом «Записки по японским делам» Особый комитет будет рекомендовать отправить начальником экспедиции на Восток Е. В. Путятин.

В октябре 1852 г. святитель Филарет, митрополит Московский, благословил образом Спасителя вице-адмирала Е. В. Путятин перед его поездкой в Японию. Икона долгое время сохранялась в миссии, в женской школе, о чем позднее епископ Николай (Касаткин) напишет в своем дневнике¹⁶. Маршрут экспедиции проходил через такие крупные порты, как Портсмут, Мадейра, острова Зеленого мыса, мыс Доброй Надежды, остров Ява, Сингапур, Гонконг. Везде в пути Е. В. Путятин встречался с активной миссионерской деятельностью англичан, американцев, французов и голландцев. Об этом он будет писать из Нагасакского рейда (в порт Нагасаки русский фрегат пришел в августе 1853 г.), в частности в письме к А. С. Норову (1795–1869), товарищу министра народного просвещения. Вице-адмирал спешил поделиться с чиновником из министерства «указанием одного предмета», без которого, по его мнению, будет «непрочным всякий успех в открытии сношений с народами,

¹² Дневники... Т. 1. С. 84.

¹³ Избранные ученые труды святителя Николая, архиепископа Японского. М., 2006. С. 66.

¹⁴ Лещенко Н. Ф. Посольство Н. П. Резанова... С. 38.

¹⁵ Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер... С. 8.

¹⁶ Дневники... Т. 3. С. 353.

чуждыми христианства»¹⁷. Вице-адмирал говорит, что успех в международной политике России может быть прочным только при условии приобщения народов других стран к православию. Объехав полмира и видя повсюду активную миссионерскую деятельность католиков и протестантов, он понимает, что без проповеди православия Россия не сможет закрепиться в Восточной Азии. Впрочем, Е. В. Путятин не объявляет религиозную проповедь средством для распространения политического влияния. Просвещение нехристианских народов, по его мнению, это насущная задача христианского государства. Если политические задачи совпадают с Евангельской заповедью нести свет Христовой истины, то происходит ее естественное раскрытие в рамках имеющихся возможностей. Именно так можно определить понятие прозелитизма, которое использует Е. В. Путятин в этом письме. Когда он говорит о необходимости привлечения народов в лоно Церкви, то говорит от ее лица, как один из ее членов, и от имени православного государства, как его полномочный представитель. Поднятая проблематика письма вынуждает нас привести почти полную цитату: «К стыду нашему, — пишет вице-адмирал, — все католические и даже протестантские нации, при всяком открытии политических и торговых связей с новыми племенами, первым делом считают распространение между ними истин религиозных и тем всегда успевают образовать партию, расположенную к ним не из одних материальных выгод. Будучи лишены этой святой ревности, мы еще хвалимся пред всеми, что прозелитизм не есть свойство Православия, тогда как в этом нам служит укором вся история христианства, начиная от апостольских и до наших времен. Пора выйти из этого заблуждения и неслыханное равнодушие к этому предмету заменить тем большим рвением к проповеди евангельской, чем далее мы находились в теперешнем усыплении. Первым делом нашего высшего духовенства должно быть образование миссионерских училищ, в которых с малолетства следует вселять и обращать в первую потребность эту высшую степень христианской любви. Сверх сего, изучение языков и всего, что может споспешествовать успеху проповеди, должно быть главным предметом образования. Если в скором времени не примутся за это, то трудно нам будет стоять за истину Православия; видимые факты будут вопиять противу нас: недостаток жизненных сил духовенства и нужных мер со стороны правительства, заботящегося о расширении своих пределов и не помышляющего о распространении царства Того, Кем все держится»¹⁸.

Спустя 11 лет после окончания своей дипломатической миссии Е. В. Путятин «принимает живое участие во всем относящемся до недоступной в прежние времена Японии» и не может «упустить случая к усилению в ней

¹⁷ Письмо (графа) Е. В. Путятин к А. С. Норову с фрегата «Паллада» // Русский архив. 1899. Вып. 1–4. С. 198–199.

¹⁸ Письмо (графа) Е. В. Путятин к А. С. Норову... С. 198–199.

миссионерской деятельности нашей Церкви»¹⁹. Об этом он напишет из Европы в частном письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому. Е. В. Путятин по-прежнему считает «священной обязанностью передавать неведущим свет христианской веры». Для него, как по-настоящему верующего человека, очевидна помощь Божия в проникновении России в Японию «не позже других наций». Он понимает важность проповеди православия японцам не только как христианин, но и как государственный деятель, потому что через нее «нам открывается случай упрочить самым действительным путем наши дружественные отношения». Теперь отношения с японцами «не представляют никакой важности, но, при заселении вновь приобретенных нами границ по более близкому нашему соседству против других государств, могут сделаться весьма нужными и полезными». Даже когда граф говорит о торговых интересах России, он на первое место ставит миссионерские задачи во внешней политике: «Самый недостаток торговых сношений с этою страню послужит к упрочению нашего религиозного влияния»²⁰. Стремление графа распространять православие в Японии передалось его дочери Ольге Евфимовне, бывшей статс-даме императрицы Марии Александровны, о чем сохранилось свидетельство святителя Николая: «Как она желает служить в Миссии и как полезна она была бы, если бы Господь исполнил ее желание»²¹. Уже после смерти отца, с 1884 по 1887 г., Ольга Евфимовна будет находиться в Японии и помогать миссии²².

Однако главным вкладом Е. В. Путятина в становлении православия в Японии стали его первые экспедиции в Восточную Азию. Малоизвестные эпизоды из их истории показывают, что участники экспедиций не теряли возможности проповедовать при первой возможности. Так, обращает внимание на себя миссионерский характер личного состава первой дипломатической экспедиции. В состав команды фрегата «Паллада», на котором осуществлялась экспедиция, помимо морских офицеров были включены миссионеры, имевшие опыт службы в Российской духовной миссии в Китае. Прежде всего, это архимандрит Аввакум (Честной), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, отправившийся впервые в Китай в составе 11-й Пекинской духовной миссии. В Пекине он преподавал для потомков пленных албазинцев православное вероучение и другие предметы, изучал конфуцианство и буддизм, занимался переводами и проповедью на китайском языке. В экспедиции Е. В. Путятина он совмещал обязанности переводчика с китайского языка и священнослужителя. Другим членом экспеди-

¹⁹ По предположениям об учреждении миссии в Японии // РГИА. Ф. 797. Оп. 39. П отд. Д. 155а. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Дневники... Т. 1. С. 90.

²² Впрочем, по словам святителя Николая, графиня Е. В. Путятина была «ни к чему негодная по Миссии». (Дневники... Т. 2. С. 285).

ции был будущий русский консул в Японии, Иосиф Гошкевич, тоже выпускник Санкт-Петербургской духовной академии и также имевший миссионерский опыт в составе 12-й Российской духовной миссии в Пекине. В экспедиции Е. В. Путятин он выполнял обязанности советника и переводчика. Секретарем экспедиции был писатель И. А. Гончаров. Именно он оставил подробное описание этого путешествия в своей книге «Фрегат “Паллада”» и, как отмечает В. И. Мельник, «основная религиозная тема “Паллады” — миссионерская»²³. Известно, что Е. В. Путятин повлиял на воцерковление русского писателя И. Гончарова, который во время дипломатической экспедиции в Японию был ее секретарем²⁴.

Религиозным настроением были пронизаны разговоры команды, быт моряков. На фрегате «в течение дня многократно раздавалось молитвенное пение, то и дело в каюту адмирала требовали фрегатского иеромонаха, а в свободное от служебных и молитвенных занятий время адмирал любил слушать чтение “Жития святых” или другие душеспасительные книги»²⁵. И. А. Гончаров писал: «Я видел, как простые люди зачитываются до слез священных книг на славянском языке... Помню, как матросы на корабле слушали такую книгу, не шевелясь по целым часам, глядя в рот чтецу...»²⁶. В книге описаны многочисленные встречи с иностранными миссионерами. «Неоднократно столкнувшись с миссионерской деятельностью европейцев, — пишет В. И. Мельник, — Гончаров убедился, что экономика и политика европейских государств, таких, как Англия, строится в Азии с опорой на широкое миссионерство»²⁷. Последнее обстоятельство заставляет его задуматься и о судьбе православной миссии: «Кажется, недалеко время, когда опять проникнет сюда (в Японию. — А. С.) слово Божие и водрузится крест, но так, что уже никакие силы не исторгнут его. Когда-то? Не даст ли Бог нам сделать хотя первый и робкий шаг к тому?хлопот будет немало с здешним правительством — так прочна (правительственная) система отчуждения от целого мира!»²⁸. Таким образом сами обстоятельства похода способствовали созданию условий для появления идеи проповеди японцам.

Экипаж второго фрегата, «Диана», отправленного в помощь Е. В. Путятину, принимал непосредственное участие в крещении язычников. В порте Аян, по просьбе русских поселенцев, священник фрегата прот. Василий Махов освятил дома, совершил таинства Исповеди и Причастия. Местные жители сообщили священнику, что недалеко от их поселения в лесах кочуют гиляки-идоло-

²³ Мельник В. И. Гончаров и православие... С. 67.

²⁴ Там же. С. 72.

²⁵ Адмирал Унковской. Рассказы... С. 122.

²⁶ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 2004. Т. 7. С. 329.

²⁷ Мельник В. И. Гончаров и православие... С. 67.

²⁸ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 449.

поклонники (племя нивхи), желающие принять православие. Когда сведения подтвердились, отец Василий с помощью переводчика стал готовить язычников к принятию христианства. Убедившись в их искренности, он «преподал им кое-что из Закона Божия» и в течение нескольких дней приготовил ко крещению. В итоге 22 июля 1854 г. было совершено крещение 17 гиляков (9 мужчин и 8 женщин). Восприемниками стали 6 офицеров «Дианы», крещеный тунгус из местных жителей и сам отец Василий²⁹.

В Японии во время землетрясения и цунами 1854 г. русский фрегат «Диана» получил серьезные повреждения, а один из матросов был задавлен оторвавшейся пушкой. Его смерть стала поводом для проповеди японцам воскресения из мертвых. По воспоминаниям прот. Василия Махова, русские устроили траурную церемонию «с одной стороны, для исполнения нашего христианского обряда, а с другой, чтобы показать японцам, как в России предают земле тела умерших». Была организована торжественная процессия. Впереди шли генерал-адъютант Е. В. Путятин с офицерами и протоиерей Василий с певчими, за ними матросы несли гроб с погибшим. Команда фрегата замыкала процессию. При ее виде простые японцы «падали ниц и дивились»³⁰, а японский бонза предложил русскому священнику «отпеть и похоронить тело Соболева по обряду японскому; в просьбе этой ему было отказано». Исполнив свой христианский долг, возвестив веру в воскресение из мертвых, русские моряки в то же время не стали соглашаться с просьбой языческого священнослужителя. Особенное любопытство японцев вызвало опускание тела в землю, но на это русские и рассчитывали. Христианское отношение к телу, которое было сотворено Богом и будет воскрешено Им в последний день, яснее всего показывается христианами в погребении тела³¹.

Другой эпизод связан со строительством шхуны «Хэда». После потери фрегата Е. В. Путятин принимает решение построить новую шхуну в самой Японии. Судно по сохранившимся чертежам строили совместно с японцами. Если русским нужен был корабль, чтобы на нем возвратиться на Родину, то японцам, технически отстающим в кораблестроении, нужны были новые технологии. Но еще больше нужны были твердые основания для долгосрочных отношений между двумя странами. Е. В. Путятин это понимал и отмечал, что взаимное доверие, возникшее в результате совместного труда с японцами, может «со временем переменить их предубеждение против христианства и сде-

²⁹ Махов В., прот., «Фрегат “Диана”». Путевые заметки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова». СПб., 1867. С. 32–34.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ В Симодэ могилы трех русских моряков, погибших на фрегате «Диана», будут сохраняться еще долгое время. В 1900 г. свт. Николай Японский посетит их, найдя памятники целыми, а место заросшим кустарником (Дневники... Т. 4. С. 349).

лать из них полезных и преданных нам соседей»³². В этой сложной ситуации начальник экспедиции действует уже не как расчетливый и хитрый политик, а как христианин, заботящийся о спасении язычников.

Наконец, когда из-за предполагаемой дружбы с японцами все-таки можно было бы пойти им на уступки, Е. В. Путятин проявляет еще большую решимость. На борту «Дианы» находился бежавший от преследования властей японец-христианин (православие он принял в Корее): Е. В. Путятин предоставил на корабле убежище единоверцу. После крушения «Дианы» вся команда сошла на берег, а вместе с ней и православный туземец. Японцы, узнав о беглеце, потребовали, чтобы Е. В. Путятин выдал им преступника, и угрожали русским морякам. Однако «Путятин объявил решение в случае необходимости располжить команду “Дианы” в каре, по углам каре поставить спасенные пушки и, защищаясь до последней крайности, умереть всем до единого, но не выдавать единоверца и тщательно блюсти завет Божественного Учителя, сказавшего: “что нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”. Японцы уступили, пораженные благородной решимостью. Мало того, это обстоятельство повело за собой большее сближение, и японцы сделали все возможное, чтобы облегчить русским пребывание на их земле и спасение»³³.

Итак, личный состав первой экспедиции и настрой ее участников показывают, что религиозный фактор (распространение православия на Дальнем Востоке) имел далеко не последнее, а в некоторых случаях, возможно, и перво-степенное значение.

7 февраля 1855 г. в результате долгих переговоров и согласований вице-адмирал Е. В. Путятин от имени России подписывает первый трактат с Японией. По месту подписания он получил название Симодского договора. Значение его исследователями оценивается исключительно в рамках торговых и пограничных интересов России, а сам трактат часто будут критиковать как «не особенно удачный, так как им (Путятиним. — А. С.) отданы японцам наши Курильские острова за нашу же южную половину острова Сахалин»³⁴. Обвинение несправедливо, так как не учитывается, с одной стороны, участие России в это время в Крымской войне, а с другой — миссионерский характер данного договора. Содержание его во многом обусловлено этими факторами. Косвенный вывод о наличии миссионерских задач при подписании договора позволяют сделать следующие факты.

Во-первых, положения статей трактата свидетельствуют о дружеском характере отношений между Россией и Японией. В них определялись государственные границы и условия торговых отношений. Россия провозглашала за-

³² Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 172.

³³ Адмирал Унковской. Рассказы... С. 123–124.

³⁴ Сергей (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: письма японского миссионера. М., 2013. С. 218.

боту о своих гражданах, которые в будущем могли оказаться в Японии, и о русских судах, которые в будущем могли разместиться в трех японских городах (Симодэ, Хакодате и в Нагасаки), где открывались три порта (III). В одной из статей Симодского трактата объявлялась свобода «как для русского в Японии, так и Японца в России»³⁵ (VIII). Наконец, оговаривалось специальное условие, согласно которому «все права и преимущества, какие Япония предоставила ныне или даст впоследствии другим нациям, в то же самое время распространяются и на русских подданных» (IX). России разрешалось назначить своего консула (с 1856 г.).

Во-вторых, некоторые положения объяснительных статей трактата косвенным образом свидетельствуют о наличии миссионерских задач экспедиции. В них раскрывается право русских на свободное перемещение по окрестностям первых двух портов: «...посещать лавки, храмы и, до устройства гостиниц, определенные дома для отдыха; в частные же дома входить не иначе как по приглашению». В трактате говорилось о праве русских погребать умерших в каждом из трех портов: «...кладбища эти должны быть неприкосновенны». И действительно, уже через 9 лет после подписания Симодского трактата на русском кладбище в Хакодате появилась могила (жены первого русского консула И. О. Гошкевича) с православной по содержанию эпитафией³⁶. Японское правительство обязывалось определить места и здания для русского консульства, где русские могли бы жить «по своим обычаям и законам»³⁷.

В-третьих, подтверждение мысли, что трактат и его статьи имели и миссионерское значение, мы находим в докладной записке Е. В. Путятина («Записка о действиях генерал-адъютанта графа Е. В. Путятин в Японии, по возложенным на него поручениям»), написанной уже в царствование императора Александра II (19 марта 1856 г.). В записке Е. В. Путятин объясняет, почему «трактат может в некоторых местах показаться неясным или неполным»³⁸. Не имея опыта во внешней торговле, японцы придирались к различным мелочам. Поэтому он «вынужден был уступать многое в выражениях», чтобы «в мелочах не повредить нашим более существенным домогательствам». По свидетельству вице-адмирала, возражения японцев «дошли до крайней степени», когда речь зашла «относительно отправления нашего богослужения и других условий пребывания Русских на Японской земле». Японцы наотрез отказывались упоминать в трактате право на свободное исполнение христианского богослужения. Е. В. Путятин пишет: «...вследствие этого я должен был исключить из трактата все, что от-

³⁵ Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер... С. 70–72.

³⁶ Кузнецов А. П. Первый консул России в Японии. Иосиф Антонович Гошкевич. СПб., 2009. С. 23.

³⁷ Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер... С. 70–72.

³⁸ Там же. С. 224.

носились до отправления богослужения и до Русских семейств, ограничившись только условием, что, во время жительства на берегу, русские пользуются совершенною свободою, подчиняясь лишь справедливым законам страны»³⁹. Здесь мы видим безуспешную попытку Е. В. Путятина добиться для русских семей, пребывающих в Японии, права на свободу вероисповедания. Японцы категорически этому препятствовали, поэтому вице-адмирал в тексте договора мог только косвенно указать на миссионерские задачи, которые хотел реализовать.

Четвертым подтверждением наличия миссионерских задач можно считать заботу вице-адмирала о племени айнов, которое японцы хотели объявить в русско-японском трактате «подвластным Японии». Отсутствие этого пункта в трактате говорит о том, что Е. В. Путятину удалось отстоять айнов. В частности, в переговорах с японцами он сослался на то, что на принадлежащих России островах Курильской гряды «есть тоже природные айны»⁴⁰. Можно предположить, что русский посланник был осведомлен о миссионерской деятельности архиепископа Иннокентия (Вениаминова), о притеснении айнов японцами и считал своим долгом защитить именно православную часть этого маленького народа⁴¹.

Наконец, о том, что религиозный вопрос остро стоял при подписании Симодского трактата говорит одно главное обстоятельство. Уже после его подписания японцы стали требовать от Е. В. Путятина «обещания, что... Правительство не будет распространять в Японии христианской религии»⁴². В ответ русский посланник сказал, что после подписания трактата не имеет права вносить какие-либо новые обязательства и сослался на веротерпимую политику России, в которой «насильственного обращения никогда не делается». В частности, он обратил внимание на тот факт, что потерпевшие кораблекрушения японцы после возвращения из России сохраняют свою религию. По свидетельству Е. В. Путятина, японцы остались недовольны этими объяснениями, но он «счел нужным положить конец переговорам по этому предмету, признавая противным духу Христианства, вступать в условия, лишаящие нас права, путем убеждений, распространять, на будущее время, истины Веры в земле языческой»⁴³.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, вице-адмирал в первом договоре с Японией не смог добиться права на свободную проповедь православия. В 1855 г. Россия только открывала для себя эту страну, которая в силу исторических причин все еще негативно относилась к христианству. С другой стороны,

³⁹ *Латышев В. М., Дударец Г. И.* Государственный канцлер... С. 224.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Осипова М. В.* Христианизация айнов как способ распространения российского влияния на Курильских островах // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2012. № 1. С. 15–22.

⁴² *Латышев В. М., Дударец Г. И.* Государственный канцлер... С. 224.

⁴³ Там же.

решительный отказ начальника русской экспедиции на требование японцев не проповедовать свою религию показывает в нем не только мудрого дипломата, но и настоящего христианина. Е. В. Путятин прямо пишет, что в будущем русские должны иметь право на распространение «истины Веры в земле языческой».

Если мы сравним двухсторонние договоры России с Японией и Китаем, заключенные при посредстве Е. В. Путятин уже в александровский период, мы увидим, что право на распространение православия «путем убеждений» отстаивается с той же силой, что и при подписании Симодского трактата. Так, в 1858 г. Е. В. Путятин заключает в Китае *Тяньцзинский* договор, по которому, кроме очевидных для России торговых выгод, оговаривалось право на постройку церквей (V)⁴⁴. Отдельная статья русско-китайского трактата прямо устанавливала право на миссионерскую деятельность. Китайское правительство признавало пользу «христианского учения» для «водворения порядка и согласия между людьми», обязывалось «не только не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей христианской веры, но и покровительствовать им наравне с теми, которые следуют другим допущенным в государстве верованиям». Для христианских миссионеров, «не ищущих собственных выгод», разрешалось «распространять христианство», «проникать из всех открытых мест внутрь империи» (VIII). В X и XI статьях трактата оговаривались условия пребывания в Китае и Пекине членов Русской духовной миссии. Китайские местные власти обязаны были содействовать всеми мерами к удобному и скорому следованию членов миссии к местам своего назначения (X). Учреждалось специальное почтовое сообщение не только для сношений между правительствами двух стран, но и для потребностей Русской духовной миссии в Пекине. Издержки на почтовые сообщения должны были оплачиваться поровну (XI)⁴⁵. Таким образом, Тяньцзинский договор закреплял положение Русской духовной миссии и открывал для православных миссионеров новые перспективы в Китае.

Сразу после подписания этого договора (1858 г.) Е. В. Путятин отправляется в Японию, где подписывает новый договор, получивший название *Эдоского трактата*. В сравнении с Симодским трактатом заметны положительные сдвиги в продвижении религиозных интересов России в Японии. В соответствии с договором русские получали право временно и постоянно жить уже в 5-ти портовых городах, а также нанимать в аренду земли и покупать «находящиеся на этих землях дома и другие здания, также строить свои *церкви* (выделено курсивом нами. — А. С.), дома и магазины» (V)⁴⁶. Подтверждалось право, оговоренное еще в Симодском трактате, жить семьями и следовать своим

⁴⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М., 1952. С. 49–55.

⁴⁵ Там же. С. 49–55.

⁴⁶ Цит. по: *Латышев В. М., Дударец Г. И.* Государственный канцлер... С. 107–109.

законам и обычаям, пользоваться «правом свободного и открытого вероисповедания». При этом японское правительство обязывалось прекратить «попирание предметов, служащих знаками их религии» (VII). В то же время четко оговаривались границы страны, за которые русские не могли переходить⁴⁷.

Рассмотренные трактаты с Японией (Симодский в 1855, Эдоский в 1858) и Тяньцзинский договор с Китаем в 1858 г. позволяют сделать вывод: в середине XIX в. Россия на Дальнем Востоке отстаивала не только свои политические и торговые интересы, но и «право свободного и открытого вероисповедания» в этих странах. Значение трех перечисленных трактатов для развития православия в Восточной Азии (Китай и Япония) трудно переоценить.

По Симодскому договору русские получали одинаковые права и свободы с другими народами, что исключало неравные условия с католиками и протестантами в деле проповеди. Закреплялся дружественный характер отношений между странами. Русские люди получали возможность перемещаться по стране, пусть пока и на ограниченной территории, торговать, жить и умирать согласно своей вере, что означало возможность евангельского свидетельства на бытовом уровне. На вполне законных основаниях в Японии должны были появиться христианские кладбища с крестами на могилах, что тоже помогало бы свидетельствовать о смерти и Воскресении Спасителя. Православные айны оставались под защитой России, могла продолжаться христианизация этого и других народов. Недвусмысленно было заявлено право на распространение православия в Японии в будущем.

В то же время не всего удалось добиться. Права на свободу богослужений, строительство церквей и защиту религиозных чувств были закреплены позднее в Эдоском трактате. Исходя из содержания статей Тяньцзиньского трактата, мы делаем вывод, что вице-адмирал Е. В. Путятин реализовывал политику, не ограничиваясь экономическими интересами, ставил миссионерские цели по обращению китайцев в православие, — и это подтверждает наличие таких же целей в отношении японцев. Пример соседнего Китая для Японии мог быть показателем. Все вышперечисленное имело большое практическое значение для будущей полноценной миссионерской деятельности.

В заключение мы с полной уверенностью можем сказать, что Е. В. Путятин был ярким дипломатом и отважным миссионером, ревновавшим о распространении истиной веры. Исследователи писали о нем как о выдающемся дипломате, покровителе японской миссии, жертвователе. В свою очередь мы показали исключительную роль Е. В. Путятина в деле создания почвы, на которой потом вырастет древо Японской Церкви. Особого интереса заслуживают

---

⁴⁷ Положения, утвержденные Эдоским трактатом, сохраняли свою юридическую силу до 1895 г., когда в Санкт-Петербурге был заключен новый русско-японский договор о торговле и мореплавании.

личные взгляды Е. В. Путятина на проблемы внешней миссии Русской Церкви. Они до сих пор актуальны. Для него распространение политического влияния являлось естественным следствием увеличения Царства Христа Вседержителя. Он говорит о нехватке рвения в деле распространения «истин религиозных». В то время, когда прозелитизм в некоторой степени свойственен православию, правительство, по мнению Е. В. Путятина, заботится «о расширении своих пределов», но не помышляет «о распространении царства Того, Кем все держится». Такое положение вице-адмирал называет «неслыханным равнодушием». При этом Е. В. Путятин предлагает конкретные способы решения проблемы: создание училищ, в которых с малолетства будут учить языкам и готовить к миссионерскому служению. Религиозную миссию Е. В. Путятин ставил во главу своей дипломатической деятельности, что выразилось в содержании договоров с Китаем и Японией и, в конце концов, принесло свои плоды спустя всего несколько лет. Заключая первые межгосударственные договоры с этими странами, русский дипломат будет настаивать на праве своей страны распространять православие. Даже при возможных недостатках торговых сношений с Японией Е. В. Путятин видел средства «к упрочению нашего религиозного влияния».

Спустя всего 6 лет после подписания Симодского и Эдоского трактатов молодой иеромонах Николай (Касаткин) приедет в Японию, чтобы насадить дерево новой Поместной Церкви, и Е. В. Путятин до последних дней своей жизни останется ее покровителем.

Источники

1. Адмирал Унковской. Рассказы о его жизни, записанные В. К. Истоминым // Русский архив. 1887. Вып. 5–8. С. 117–129.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 2: Фрегат «Паллада»; СПб.: Наука, 2004. Т. 7: Обрыв.
3. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. СПб., 2004.
4. Избранные ученые труды святителя Николая, архиепископа Японского. М.: Издательство ПСТГУ, 2006.
5. Махов В., *прот.* Фрегат «Диана». Путевые заметки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова. СПб., 1867.
6. Письмо (графа) Е. В. Путятина к А. С. Норову с фрегата «Паллада» // Русский архив. 1899. Вып. 1–4. С. 198–199.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 797. Оп. 39. П отд. Д. 155а.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М., 1952.

9. *Сергий (Страгородский), архим.* На Дальнем Востоке: письма японского миссионера. М., 2013.

Литература

1. *Августин (Никитин), архим.* И. А. Гошкевич — миссионер, дипломат, востоковед: доклад на VIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтениях, 2002 г. // Сайт храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Минск. URL: http://sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm (дата обращения: 12.01.2022).
2. *Кузнецов А. П.* Первый консул России в Японии. Иосиф Антонович Гошкевич. СПб., 2009.
3. *Латышев В. М.* После Симодского трактата (1855–1858) // Вестник Сахалинского музея. 2015. № 22. С. 137–148.
4. *Латышев В. М., Дударец Г. И.* Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск, 2015.
5. *Леценко Н. Ф.* Посольство Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятина (1852–1855) в Японию // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 34–45.
6. *Мельник В. И.* Вера адмирала Путятина // Сайт «Православие.ру». URL: <https://pravoslavie.ru/28372.html> (дата обращения: 12.01.2022).
7. *Мельник В. И.* Гончаров и православие. М., 2008.
8. *Накамуро С.* Японцы и русские: из истории контактов. М., 1983.
9. *Осипова М. В.* Христианизация айнов как способ распространения российского влияния на Курильских островах // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2012. № 1. С. 15–22.
10. *Плотникова М. М.* Внешнеполитическая деятельность на Дальнем Востоке графа Е. В. Путятина в контексте русско-китайских отношений XVII — середины XIX вв.: дисс. ... к. и. н. Иркутск, 2006.
11. Русский биографический словарь: в 25 т. / под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева. СПб., 1910. Т. 15: Пригитвиц — Рейс.
12. *Саблина Э. Б.* 150 лет православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006.
13. *Симбирцева Т. М.* Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.): дисс. ... к. и. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, 2002.
14. *Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858–1865 гг.) // Историко-филологические исследования: сб. ст. к семидесятилетию Н. И. Конрада.* М., 1967. С. 505–509.
15. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

Andrey N. Stepanov

MISSIONARY TASKS OF E. V. PUTYATIN'S DIPLOMATIC EXPEDITIONS TO EAST ASIA (1852–1858)

Abstract. This article deals with diplomatic expeditions to East Asia (1852–1858) in the context of Russia's foreign policy. The question is whether the head of the expedition, Vice Admiral E. V. Putyatin, had any missionary tasks. Revealed is the lack of a complex assessment of Putyatin's activities as a diplomat and missionary. When writing the article the author analyzed paperwork and research literature on the problem, as well as E. V. Putyatin's letters and memos, and the diaries by Archbishop of Japan Nicholas (Kasatkin) also. The diplomat's views on proselytism, missionary education and freedom of religion have been revealed. The article cites a memorandum on the actions of Adjutant General Count Putyatin in Japan dated 19 March 1856, his letter of 1869 to Count D. A. Tolstoy, Chief Procurator of the Holy Synod, and other documents, revealing the religious side of diplomatic negotiations. The use of methods of analysis and synthesis enabled the author to identify the missionary component in the diplomatic expeditions of 1852–1858, including a study of the personnel of the first expedition of E. V. Putyatin, and his religious state throughout the entire trip. The analyzed articles of the Shimoda and Edo Treaties with Japan, as well as the Tianjin Treaty with China have shown the presence of missionary tasks. Highlighted is the position of the Japanese authorities denying the right to freely perform Christian worship by foreigners, and that of E. V. Putyatin who was able to secure the opening of a consulate and defend the right to move freely around the country and the right to build churches. The facts and sources considered in the article, and the analyzed literature have led to the conclusion about the exceptional contribution of Vice Admiral E. V. Putyatin towards preparing the ground for the future missionary activity of the Orthodox Church in East Asia.

Keywords: *Russian-Japanese relations, Russian foreign policy in East Asia, Missionary work, Church-state relations, Orthodoxy, the Treaty of Shimoda, the Treaty of Edo, the Treaty of Tianjin.*

Citation. Stepanov A. N. *Missionerskie zadachi diplomaticheskikh ekspeditsii E. V. Putyatina v Vostochnuiu Aziiu (1852–1858)* [Missionary Tasks of E. V. Putyatin's Diplomatic Expeditions to East Asia (1852–1858)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, no. 38, pp. 142–159. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-38-142-159

About the author. Stepanov Andrey Nikolaevich — Master of Theology, postgraduate student of St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, a Medical college teacher, ORCID: 0000-0003-2168-3501 (Russia, Moscow). *E-mail:* andamer@rambler.ru

Submitted on 25 January, 2022

Accepted on 12 May, 2022

References

1. Adamov E. A. (ed.). *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917* [A Collection of Treaties of Russia with Other States. 1856–1917]. Moscow, 1952.
2. Admiral Unkovskoi. Rasskazy o ego zhizni, zapisannye V. K. Istominym [Admiral Unkovskoi. Stories About His Life, Recorded by V. K. Istomin]. *Russkii arkhiv — Russian Archives*, 1887, issue 5–8, pp. 117–129.
3. Augustin (Nikitin), archim. I. A. Goshkevich — missioner, diplomat, vostokoved: doklad na VIII Mezhdunarodnykh Kirillo-Mefodievskikh chteniakh, 2002 g. [I. A. Goshkevich, a Missionary, Diplomat, and Orientalist: Report on the 8th International Cyril and Methodius Readings, 2002]. Available at: http://sobor.by/8km4tenia_nikitin.htm (accessed: 12.01.2022).
4. *Dnevnik sviatogo Nikolaia Iaponskogo: v 5 t.* [The Diaries of St. Nicholas of Japan: in 5 vols.]. Ed. K. Nakamura. Saint Petersburg, 2004.
5. Fainberg E. Ya. I. A. Goshkevich — pervyi russkii konsul v Iaponii (1858–1865 gg.) [I. A. Goshkevich, the First Russian Consul in Japan (1858–1865)]. *Istoriko-filologicheskie issledovaniia: sb. st. k semidesiatiletiu N. I. Konrada* [Historical and Philological Research: Collection of articles for the seventieth anniversary of N. I. Konrad]. Moscow, 1967, pp. 505–509.
6. Fainberg E. Ya. *Russko-iaponskie otnosheniia v 1697–1875 gg.* [Russo-Japanese Relations, 1697–1875]. Moscow, 1960.
7. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 volumes]. Saint Petersburg, 1997, vol. 2; Saint Petersburg, 2004, vol. 7.
8. *Izbrannye uchenye trudy sviatitelia Nikolaia, arkhiepiskopa Iaponskogo* [Selected Scholarly Works by St. Nicholas, Archbishop of Japan]. Moscow, 2006.
9. Kuznetsov A. P. *Pervyi konsul Rossii v Iaponii. Iosif Antonovich Goshkevich* [First Consul of Russia in Japan. Iosif Antonovich Goshkevich]. Saint Petersburg, 2009.
10. Latyshev V. M. Posle Simodskogo traktata (1855–1858) [After the Treaty of Shimoda (1855–1858)]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia — Bulletin of the Sakhalin Museum*, 2015, no. 22, pp. 137–148.
11. Latyshev V. M., Dudarets G. I. *Gosudarstvennyi kantsler A. M. Gorchakov i reshenie sakhalinskogo voprosa* [State Chancellor A. M. Gorchakov and the Solution of the Sakhalin Question]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2015.
12. Leshchenko N. F. Posol'stvo N. P. Rezanova (1803–1805) i E. V. Putiatina (1852–1855) v Iaponiiu [Embassy of N. P. Rezanov (1803–1805) and E. V. Putyatina (1852–1855) in Japan]. *Vostochnyi arkhiv — Oriental Archive*, 2009, no. 1 (19), pp. 34–45.
13. Makhov V., prot. *Fregat “Diana”. Putevye zametki byvshego v 1854 i 1855 godakh v Iaponii protoiereia Vasiliia Makhova* [The Frigate “Diana”. Travel Notes of Archpriest Vasily Makhov, Who Was in Japan in 1854 and 1855]. Saint Petersburg, 1867.
14. Melnik V. I. *Goncharov i pravoslavie* [Goncharov and Orthodoxy]. Moscow, 2008.
15. Melnik V. I. Vera admirala Putiatina [Faith of Admiral Putyatina]. Available at: <https://pravoslavie.ru/28372.html> (accessed: 12.01.2022).

16. Nakamuro S. *Iapontsy i russkie: iz istorii kontaktov* [Japanese and Russians: From the History of Contacts]. Moscow, 1983.
17. Osipova M. V. Khristianizatsiia ainov kak sposob rasprostraneniia rossiiskogo vlianiia na Kuril'skikh ostrovakh [Christianization of the Ainu as a Way to Spread Russian Influence on the Kuril Islands]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk — Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 1, pp. 15–22.
18. Pis'mo (grafa) E. V. Putiatina k A. S. Norovu s fregata «Pallada» [Letter of E. V. Putyatin to A. S. Norov from the Frigate Pallada]. *Russkii arkhiv — Russian Archives*, 1899, issue 1–4, pp. 198–199.
19. Plotnikova M. M. *Vneshnepoliticheskaia deiatel'nost' na Dal'nem Vostoke grafa E. V. Putiatina v kontekste russko-kitaiskikh otnoshenii XVII — serediny XIX vv.* [Count E. V. Putyatin's Foreign Policy Activity in the Far East Within the Context of Russian-Chinese Relations in the 17th — Mid. 19th Centuries]. PhD-thesis. Irkutsk, 2006.
20. *Russkii biograficheskii slovar': v 25 tomakh* [Russian Biographical Dictionary: in 25 volumes]. Ed. A. A. Polovtsev. Saint Petersburg, 1910, vol. 15: Prittwitz — Reis.
21. Sablina E. B. *150 let pravoslaviia v Iaponii. Istoriia Iaponskoi Pravoslavnoi Tserkvi i ee osnovatel' sviatitel' Nikolai* [150 Years of Orthodoxy in Japan. History of the Japanese Orthodox Church and Its Founder Saint Nikolai]. Moscow, 2006.
22. Sergius (Stragorodsky), archim. *Na Dal'nem Vostoke: pis'ma iaponskogo missionera* [In the Far East: Letters from a Japanese Missionary]. Moscow, 2013.
23. Simbirtseva T. M. *Sovremennaia (1984–2001) iuzhnokoreiskaia istoriografiia o kharaktere rannego perioda russko-koreiskikh otnoshenii (do 1895 g.)* [Contemporary (1984–2001) South Korean Historiography on the Nature of the Early Period of Russian-Korean Relations (Before 1895)]. PhD-thesis. Moscow, 2002.